

ВЛАСТЬ ФАКТА И ВЛАСТЬ МИФА: КАК СОЗДАЕТСЯ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Диалог с прошлым: от перестройки до наших дней

Мария Ферретти,
*профессор Центра исторической антропологии
им. Марка Блока, РГГУ*

Историк по профессии, я давно занимаюсь историей России. Живя в этой стране, я сохраняю взгляд со стороны, поскольку остаюсь человеком другой культуры. В споре о том, как создается образ современной истории России, я представляю мои размышления, наблюдения, выводы проведенных исследований. Предметом моего анализа стали представления о памяти — их развитие с начала перестройки до настоящего времени.

Как мы знаем, в последние двадцать лет образ прошлого и отношение к прошлому играют в России особую роль. Председатель «Мемориала» Арсений Рогинский заметил однажды, что обычно революции начинаются с насилия, с выстрелов, а в России революция началась с пробуждения памяти. Хотя эти слова были сказаны в конце 80-х годов, они справедливы и по сей день.

После окончания хрущевской оттепели был приостановлен процесс, который можно было бы назвать «трауром по сталинизму». «Траур» — принятое в науке определение, суть которого состоит в том, что как в личной, так и в общественной жизни, есть периоды великого драматизма (сталинизм, несомненно, был одним из таких периодов), которые необходимо осмысливать и переживать. Траур означа-

ет принятие на себя ответственности за прошлое, возможность отдать себе отчет в том, что произошло, и стать, таким образом, субъектом, а не жертвой исторической драмы. Проблематика траура и памяти развивалась в Германии в 60-х годах XX века в связи с отношением к нацистскому прошлому.

В рамках заявленной темы важны два момента. Во-первых, существование механизмов, которые влияют на работу памяти, обуславливают политическое использование прошлого в широком смысле слова и определяют роль памяти в построении коллективной идентичности. Во-вторых, содержание, которое вкладывается в само понятие «память», ставшее одним из ключевых во время перестройки. В этот период считалось, что в официальной истории существовала ложь, а в памяти жила правда. При этом не учитывалось, что существуют **разные конструкции памяти**. Правомерен вопрос: какая конструкция памяти способна развивать общество в направлении его демократизации, а какая препятствует этому?

Нельзя не отдавать себе отчет в том, что с начала перестройки до настоящего времени память играет огромную роль в общественной жизни России. В этом процессе определения прошлого и формирования отношения к нему ясно выделяются четыре важных этапа. Первый этап (1986–1989 гг.) соответствует перестройке. В этот период идет восстановление «работы траура» — осмысление прошлого и принятие на себя ответственности за него. На первом этапе в общественном сознании доминировала проблема сталинизма — причем сталинизм рассматривается не как нечто «привнесенное к нам извне», но как «наша общая история» (вспомним, как много говорили тогда о покаянии, о чувстве коллективной вины и т.д.). Казалось, именно через болезненное восприятие прошлого создавался политический субъект. В широком смысле слова, создавался гражданин, то есть человек, отвечающий за общество, в котором живет, а не просто пассивно воспринимающий то, что происходит вокруг. Это был очень важный период — возрождение политического субъекта в России.

Критика сталинизма, как она велась тогда, разрушила один из основных мифов старой официальной истории — миф о существовании неких исторических закономерностей. Благодаря этому открылось пространство для политической жизни: оказалось, что политика не написана «на небесах», не выражена в абстрактных законах, которые знает партия или какой-то выдающийся человек. Оказалось, что политика — момент выбора для общества и для человека. Это было время, когда говорили о возможных альтернативах сталинизму. По сути дела, речь шла не столько о конкретных альтернативах, существовавших в прошлом (Бухарин и т.д.), сколько о том, что в России, в конце концов, создается политическая сфера.

Великая заслуга Михаила Сергеевича Горбачева состоит в том, что он секуляризировал власть в России, изменив источник ее легитимации. Созыв Первого съезда народных депутатов (1989 г.) означал, что источником власти становится народный суверенитет. Это явилось одной из предпосылок, как дальнейшего развития общества, так и продолжения размышлений о прошлом. По моему мнению, это был ключевой эпизод в новейшей истории России.

После Первого съезда народных депутатов исторический процесс стал развиваться более быстрыми темпами — и внутри России обострилась политическая борьба. Интеллигенция, по крайней мере, та ее часть, которая в начале поддерживала реформы, становилась все более радикальной. В 1990–1995 гг. в среде либеральных интеллигентов, которые считали себя наследниками шестидесятников, создается совершенно новый образ прошлого, связанный с радикальной критикой Октябрьской революции. Предпосылки этого этапа можно датировать публикацией известных статей Александра Ципко в журнале «Наука и жизнь»¹.

Способ, каким велась в то время критика Октябрьской революции, имел два неожиданных результата. С одной стороны, он дал возможность освободиться от тяжести ста-

¹ А.И. Ципко Истоки сталинизма // Наука и жизнь, 1988, №11-12, 1989, № 1-2.

линизма — от чувства ответственности, поскольку именно тогда была создана известная конструкция: «сталинизм есть прямое следствие Октябрьской революции». Иначе говоря, в бедах России виноват не Сталин, а «вообще» большевики. Кто же были, в таком случае, большевики? Ответ: это было «меньшинство», которое руководствовалось утопией, заимствованной на Западе. Россия — жертва большевиков, но она не имеет ничего общего с большевизмом, не должна за него отвечать, поскольку во всем виновата «плохая» партия. Другая сторона той же конструкции: «до революции Россия была прекрасной страной; она была богата и являлась частью мировой цивилизации». Так был создан миф о либеральной России с ее светлым будущем, рухнувшим из-за какой-то не совсем понятной «ошибки» истории.

В 90-е годы, казалось, перелицовывалась официальная советская история: если в советское время считалось, что революцию сделали большевики, и они были «хорошие», то теперь утверждалось, что революцию сделали «плохие» большевики. Таким образом, поменяв знаки, построили новую конструкцию. В первой половине 90-х г.г. публичное политическое использование прошлого сыграло роковую роль для понимания перестройки. С одной стороны, Горбачев стал олицетворением всего того, что было плохого в СССР. С другой стороны, сознательно создавался образ Ельцина — бывшего Первого секретаря обкома КПСС — как наследника традиций великой дореволюционной России. (Если обратиться к символике, которая восстанавливалась в 1990 и 1991 гг., то окажется, что слово «губернатор» первым использовал Ельцин еще до путча 1991 года.)

Новый образ прошлого имел огромный успех. Массовые издания объясняли, как плох был Ленин, и уверяли, что надо вернуться к дореволюционному прошлому, поскольку существуют некие закономерности истории и теперь «у нас нет альтернативы» кроме рыночного общества. (Вспомним, как восторженно была принята концепция «конца истории» Фукуямы). А следовательно, опять «кто-то» имеет право решать «за нас».

Именно в этом повороте к дореволюционному прошлому России лежат корни авторитаризма в политической культуре, так называемой либерально-демократической, постсоветской России. В ней опять оказалось, что политика как таковая не существует — что нет людей, но есть «закономерности истории». Новый образ отечественной истории был легко воспринят постсоветским обществом, потому что он освободил его от тяжести прошлого. Утверждалось, что «мы можем все забыть, потому что мы все были жертвы». Так, в начале 90-х распространился миф о том, что интеллигенция была вечной жертвой советской власти, что она всегда спасала русскую культуру. Мифология, которая создавалась тогда, имела четкие политические функции: если у нас было светлое (дореволюционное) прошлое, теперь, опираясь на него, мы двинемся светлому будущему. Однако вскоре эта мифология перестала работать: во имя возврата к прошлому обещали рай уже завтра, но последствия ельцинской реформы оказались слишком тяжелыми для российского общества.

В середине 90-х — третий этап — начался возврат к национальным ценностям. Новый — четвертый этап этого процесса можно наблюдать сегодня, когда от мифа дореволюционной либеральной России двинулись к мифу дореволюционной царской России в более жестком, националистическом варианте.

Нельзя не видеть, что существует прямая связь между развитием демократии и тем, какую память о прошлом мы конструируем. Создавая память, основанную на переживании своей причастности к прошлому и ответственности за него, мы тем самым отвечаем за все, что происходит с нами сегодня — это и есть способ развивать культуру демократического общества.